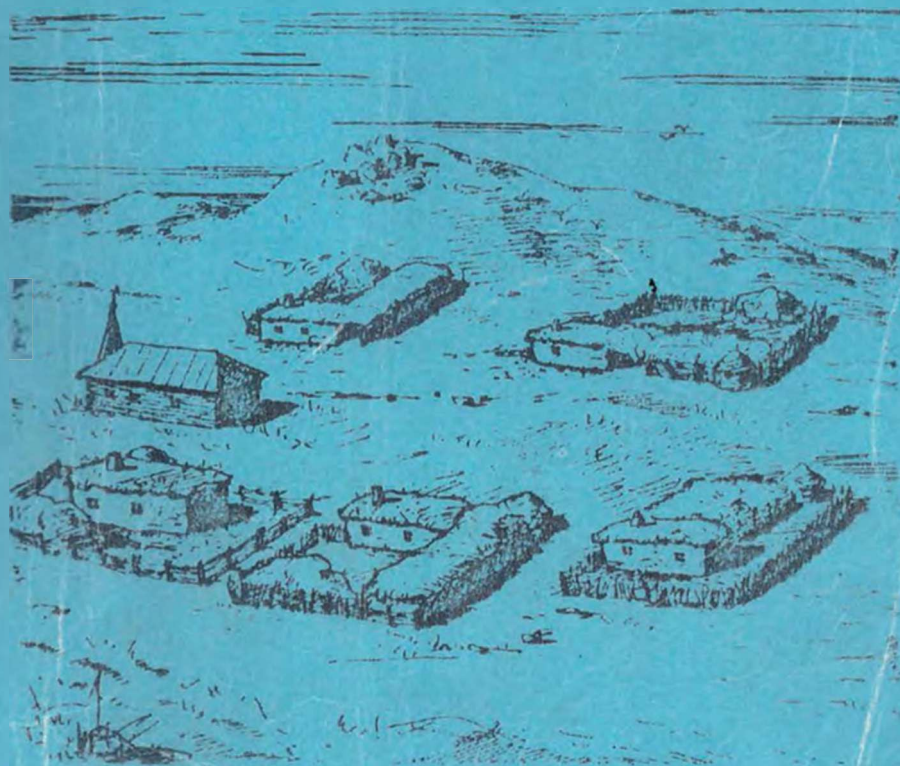

Камзабай Букетов

ДРУГ МОЙ, БРАТ МОЙ

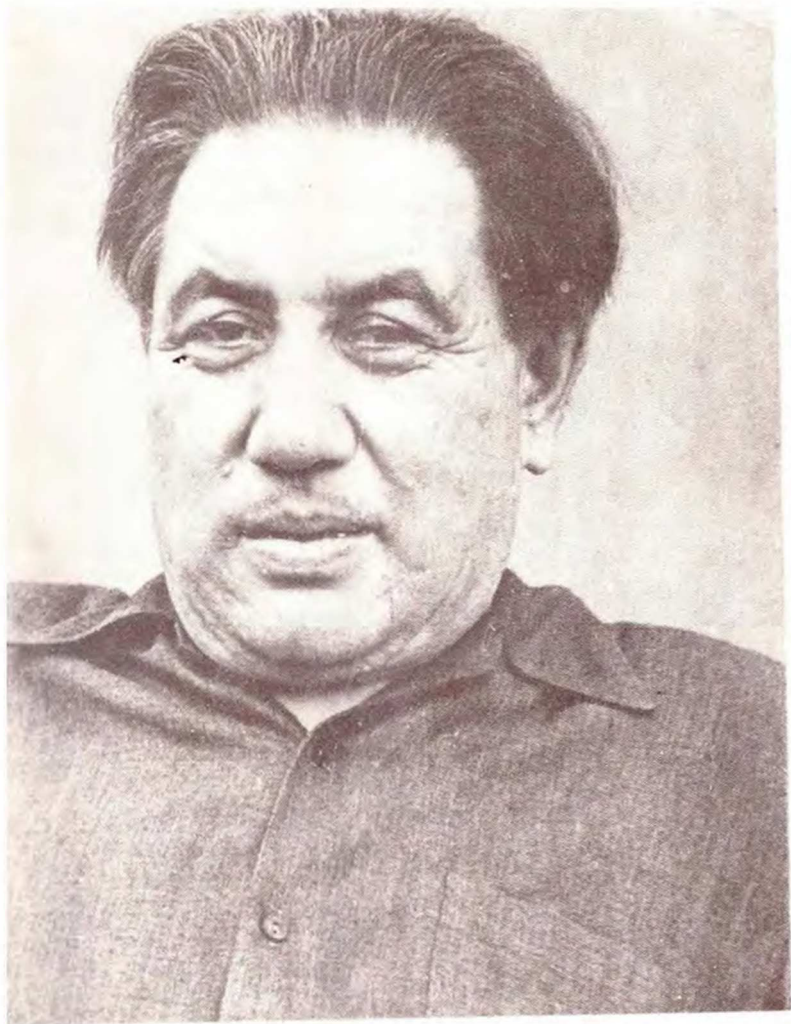
Камзабай Букетов

Друг мой, брат мой
(воспоминания)

К. ВУКЕТОВ. Друг мой, брат мой
Карганда Ид. КарГУ с ПИБ

ISBN 5 7667-0821

© К. Вукетов, 1994

Буревестник

ПРЕДИСЛОВИЕ

Камзабай Арстанович Букетов - инженер электрик, ему не долго пришлось работать по своей приобретенной специальности. Его переводили из одной отрасли в другую на руководящие хозяйственные должности в г. Караганде и Карагандинской области.

В свое время был награжден несколькими правительственными наградами за хорошую работу. Он единственный, среди работников жилищно-коммунального хозяйства Карагандинской области, удостоившийся почетного звания "Заслуженный работник службы быта Казахской ССР". К.А. Букетов, очевидно, никогда не думал, что напишет книгу, и вот уже седой, к семидесяти годам от роду, взялся за перо, чтобы запечатлеть на бумаге воспоминания о старшем брате - в некотором роде сплосм воспитателе и учителе. Об одном из выдающихся ученых нашего времени в области химии и металлургии, писателе, поэте и переводчике, оставившем большое наследие в науке, культуре и искусстве, Евнее Арстановиче Букетове - академике Национальной академии республики, докторе технических наук, профессоре, лауреате Государственной премии СССР и члене Союза писателей СССР.

Первые очерки воспоминаний Камзабая Букетова об ученом появились в 1988 году на страницах газеты "Индустриальная Караганда", которые были написаны по просьбе друзей покойного.

Некоторое время имя Евнея Букетова замалчивалось, причину читатель узнает, прочитав эту книгу.

Ценность настоящих воспоминаний представляет то, что его написал родной брат академика, который вырос вместе с ним, и отдельные моменты его жизни и деятельности хорошо известны только ему, так как почти никого уже нет в живых из знавших детские и юношеские годы Евнея Арстановича.

Отрывки отдельными очерками, статьями в свое время публиковались на страницах журналов "Простор", "Акикат" и "Зерде", газет "Орталык Казахстан", Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей.

Они были тепло встречены читателями.

По просьбе и предложению многих друзей и соратников академика автор систематизировал по мере возможности в хронологическом порядке и предлагает вашему вниманию свои воспоминания.

Я долгие годы был в дружеских отношениях с академиком Е.А. Букетовым и близко знаю автора этой книги, спасибо ему за этот небольшой, но ценный труд.

Талантливость и душевность, обаяние несравненного ума, одаренного от природы академика Е. Букетова заслуживают того, чтобы запечатлеть образ этого неповторимого человека.

Убежден - будет еще немало попыток воссоздать на бумаге, на сцене, на полотне и в камне выразительную фигуру академика Евнея Арстановича Букетова, во всех этих попытках воспоминания живого свидетеля будут незаменимым и достоверным документом.

Он никогда не должен уйти из нашей памяти. Как Чокан Валиханов, Абай Кунанбасев, Сакен Сейфуллин, Каныш Сатпаев, Мухтар Ауэзов и другие, которые живут вместе с новыми поколениями и служат примером в движении к будущему.

Жаик Бектуров,
писатель, Почетный гражданин г. Караганды.

Если бы при жизни старшего брата кто-нибудь мне сказал: "Напиши книгу", - я бы посмеялся и ответил: "Это может сделать только Евней, обращайтесь к нему".

А теперь, когда его не стало, вся наша жизнь разворачивается, как книга. И передо мной предстают воспоминания о нашем далеком детстве в живописных местах северного Казахстана...

Зимовье нашего аула находилось в пойме реки Ишим на правом берегу в среднем её течении. Оно состояло из трех небольших аулов и называлось Алыпкаш, по имени знаменитого предка, прославившего себя в борьбе с иноземными захватчиками - джунгарами.

Мы с Евнеем родились в ауле "У мечети", название которому дала старая деревянная мечеть в его центре. Через три двора от нее проходила проселочная дорога - Каражол. Дорога, вправо от нашей избы, вела в Большой аул - Улкен вул, который окаймляло старое русло реки. Эта дорога пересекла ручей, казавшийся мне целой рекой. Два аула находились на берегах двух стариц: Большой Черной и Малой Черной, из них аульчане пили воду и поили скот. Третий аул хорошо был виден из окна нашей избы, он находился на пригорке у истока ручейка, вытекавшего из-под земли у самого аула, поэтому его называли "Аул у родника".

Еще из нашего аула на противоположном берегу реки хорошо была видна русская деревня с белыми избами из самана, крытыми соломой. Деревня называлась Коноваловка или, как произносили наши предки, - Конобал. Оттуда летом через брод, зимой по льду к нам приходили, приезжали бородастые мужики, которых мы, дети, боялись, от которых прятались и убегали. А наш папа называл их тамырами (друзьями). Из деревни Двойники, находившейся на нашем берегу, приезжал особенно почитаемый тамыр Сары-Иван (сары - рыжий). Именно здесь, в живом общении и чутком внимании друг к другу закладывалась основа нашей дружбы с русскими. Этот Сары-Иван научил нашего отца заниматься земледелием. У наших родителей на свет появилось 14 детей, из них осталось

в живых только пять. Умершие были все старшие. Видимо, сказывался кочевой образ жизни до 1923-1924 годов. Наши аулы постоянно кочевали, притом круглый год жили в юртах. В зимнюю стужу юрту обкладывали снегом, а внутри разводили очаги, тем и грелись. Можно себе хорошо представить, какое это было жилище, поэтому, видимо, и умирали дети в младенчестве, а боговерные родители успокаивали себя тем, что их младенец оказался хорошим, поэтому "Бог дал - Бог взял", так как ему тоже нужны хорошие люди.

Хочу рассказать о двух старших братьях. Хорошо сохранила память добрые воспоминания нашей любимой бабушки, наших родителей, да и многих аульчан.

Самого старшего брата при рождении нарекли Зейнелгабиден, а прозвали ласкательно Зейкен, это имя закрепилось за ним и осталось в памяти.

Вспоминая детские годы второго брата - будущего академика Республиканской академии, я обязательно вспоминаю Зейкена, видимо, вот почему. Они, эти два брата, чем-то отличались от всех остальных, ныне здравствующих четырех братьев. А отличались своим природным талантом.

Зейкен в возрасте пяти лет играл на распространенном национальном музыкальном инструменте - домбре, в семь лет свободно читал Коран, в это время начал сам сочинять музыку и исполнять импровизированные и народные песни. Такие увлечения старшего сына привлекли внимание отца, а он был мастер на все, как говорят в народе, руки, и смастерил специально домбру по его росту, на которой мальчику Зейкену стало удобно играть, чем он очень увлекся, виртуозно исполняя любые наигрыши и песни. Он хорошо играл на сыбызгы - свирели. Любые тои, шылдақана и другие празднества не только в своем ауле, но и в других близлежащих, не проходили без участия сына Арстана - Зейкена. Его возили по аулам в сопровождении многочисленной взрослой молодежи - бозбалалар. Жизнь его была коротка. Не дожил он до девяти лет, скончался, проболев всего лишь три дня. До конца своей долгой жизни наша бабушка со слезами на глазах говорила, что его "сглазили". Никогда не сходило с ее уст имя Зейкена. Прежде, чем позвать кого-нибудь своим певучим голосом, она обязательно первым произносила имя Зейкена, потом только имя того, кого хотела окликнуть.

В памяти всех родственников и многих аульчан он остался очень одаренным, способным мальчиком. О нем после его смерти были сложены грустные песни, отдельные из них я

слышал в исполнении своего дяди Маутай-ага и других родственников и аульчан в округе. При этом у слушателей навертывались на глаза слезы.

Видимо, окружение оказало влияние на музыкальное развитие Зейкена. Отец наш и дядя Маутай-ага были хорошими домбристами, играли на самодельной свирели (сыбызгы), не раз завоевывали призы на тоях. До преклонного возраста они не расставались с домброй. У них были мягкие, серебристые, приятные для слуха голоса. Поэтому следует предположить, что в нашем доме собирались люди под стать им. Сейчас все забылось, стерлось из памяти, особенно с уходом из жизни старшего поколения, видевшего Зейкена, многие из них не вернулись с полей сражений Великой Отечественной войны.

За несколько месяцев до похорон брата Зейкена родился мальчик, будущий академик, нарекли его именем Евнгабиден, схожим с именем любимца семьи - старшего сына. Эта традиция у казахов сохранилась по сей день.

Имена эти арабского происхождения. Из имени Евнгабиден ласкательно получился Евней, и это имя закрепилось за ним. После смерти Зейкена Евней стал бабушкиным сыном, поэтому он пользовался особой привилегией, тем более до моего рождения он был единственным ребенком у нашего отца и двоих его младших братьев. Несмотря на такое привилегированное положение, он не был баловнем. С детских лет не позволял себе шалостей, вызывающих негодование у окружающих. Единственной его прихотью была езда верхом на лошади с кем-нибудь впереди на седле. Бабушка и родители рассказывали: проснувшись утром, озирался вокруг, протирая глаза, и если дома не было Маутай-аги, жившего вместе с нами, то соскакивал с постели, опротясь выбегая на улицу, искал лошадь дяди. Если же ее не оказывалось, то бежал в соседний двор, где жил другой дядя. Увидев его Вороного, успокаивался, готовился к верховым поездкам. Привыкнув болтаться с дядями в седле, постоянно караулил их коней, чтобы не уехали без него. Вороной у Ибрай-аги был очень строптивым, не признавал никого, кроме хозяина. Однажды летним вечером, когда Вороной, спасаясь от комаров, подбежал к юрте и стал с подветренной стороны костра, трехлетний Евней спокойно подошел к коню, оказался под брюхом между передними ногами и обнял одну ногу. Бабушка застыла в испуге, а он продолжал обнимать то одну, то другую ногу. А дальше было еще хуже, от передних ног он перешел к задним и стал между ними. Но конь в это время спокойно, медленно и осторожно тронулся,

а Евней хватался за заднюю ногу, за хвост коня, не желая отстать, и упал, подняв страшный рев. Конь ушел, а бабушка сле пришла в себя. Эта история стала одной из любимых тем бабушки во время бесед с подругами и гостями, а Карагер (Вороной) из постылого в нашей семье превратился в любимца, несмотря на то, что он оставался таким же злым животным, как и прежде. Эту историю я слышал от бабушки и в последние годы ее жизни она повторяла ее в мельчайших подробностях. Бабушка наша прожила более 90 лет, овдовев совсем молодой, дед наш умер рано, оставив шестерых детей, из которых выжили четверо: три мальчика и девочка.

Евней был любимцем бабушки, родителей и всех родственников, он заслужил эту любовь своим умом и талантом, проявившимися очень рано. В детские годы мне казалось, что меня все они не любят, эта ревность доходила до того, что иногда мне приходила мысль, зачем я родился, может быть, я чужой. Только повзрослев, стал понимать, что я тоже любим всеми.

С детских лет Евней был смекалист, придумывал всевозможные игры со своими сверстниками, был как бы их предводителем и организатором. Об этом при встречах вспоминают его аульские сверстники, друзья Уайс, Кабен, Кабдусалам и другие, оставшиеся в живых.

Когда им шел 5-6 год, в аул приехал баксы-знахарь по имени Айкен, по приглашению кого-то из аульчан для лечения больного. В отдалении от аула поставили лучшую юрту, и баксы-Айкен со своим помощником завели больного в юрту и начали лечение. Я тоже крутился здесь же с кем-то из родителей и видел этот процесс. Когда по телевизору смотрю современные эстрадные концерты молодежи, то перед глазами возникает игра этого баксы. Он начинал, напевая неистово визжащим голосом, приговаривая отгонять от больного злых духов, которые сидели в нем, причиняя ему ужасную боль. Наговаривания баксы были бесконечно длинными. В моей памяти остались отдельные отрывки и то, по-моему, не очень точные, где упоминаются разные змеи, хищные птицы и т.д. Видно, баксы определил, что злые духи вселились в тело больного в виде змей разных цветов, он и вызывал их выйти из тела и приползти к нему, а тот с ними расправится раскаленным в огне топором, который лизал языком. Костер горел здесь же в юрте. Современным детям, думаю, понятно, как это проделывается. Топор в руках баксы находился,

примерно в таком же положении как микрофон у современного припевающего на сцене эстрадного артиста.

Уловив все проделки баксы и его песни-наговоры, подсмотрев это в щель юрты, Евней после его отъезда собрал своих гасретников и начал повторять все это. Он до того увлекся этим занятием, что бабушка, у которой мы все были под пристальным оком, и родители напугались, не превратится ли Евней в баксы, и они кое-как отговорили его от этой опасной игры.

Прошли годы, и трудно сейчас поверить, что на некогда обжитом, оживленном, милом сердцу месте наших предков нет диких селений: на месте Большого аула плещутся волны рукотворного моря - Сергеевского водохранилища, а через аул "У родника" прошла трасса подземного водовода в Кокчетавскую область. И только бугорки на месте аула "У мечети" да родовое кладбище на возвышенности перед бывшим аулом, где похоронено несколько поколений наших предков, напоминают о том, что здесь когда-то жили люди...

На Урале

1930 год. Лето перевалило на вторую половину. Стоит ясная, тихая погода, небо голубое, чистое. В один из таких дней у нас дома засуетились, стали складывать какие-то ящики, в общем, идут сборы, куда-то уезжаем. К нам приходят группами и в одиночку аульчане, родственники почему-то тихо влижут, о чем-то говорят. На другой день утром все подготовленные домашние вещи сложили в одноконную бричку, сверху отец соорудил ровную площадку, которую огородил свернутыми одеялами, зимней верхней одеждой, усадил нас с Ванесем, установил казахскую национальную люльку с моим младшим братом Маратом, родившимся в том же году зимой, мама села так, чтобы удобно ей было и придерживать люльку, и кормить грудью, а также присматривать за нами, малышами. В тот год Евней шел шестой, мне - третий годик, Марату было несколько месяцев.

Собралось много народу не только из родного аула, но из всех окрестностей, поднялся неистовый рев-плач, женщины что-то приговаривали, мужчины молча вытирали глаза носовыми платками, все обнимали наших родителей, а нас брали на руки, целовали, напутствовали. Не все, конечно, я понимал, но остались в памяти эти проводы, первые в жизни. Мы тронулись. В бричку запряжена была в оглобли наша смиренная сиврасая кобылица с волнистыми гривой и хвостом, с левой

стороны в пристяжку был впряжен именной молодой (четырёхлетка) конь Евнея темно-серой масти в яблочках по кличке Сардонен, а справа трусил саврасый жеребенок, похожий на мать. Далеко за аул нас провожало много мужчин и юношей верхом на лошадях, у них впереди сидели сверстники - друзья Евнея. Проехав некоторое расстояние, все остановились, попрощались, и мы тронулись, а они еще долго стояли и смотрели нам вслед, пока мы не скрылись за поворотом.

Ехали мы мимо высокой скалы, похожей на вертикальную стену, будто специально сложенной из разноцветных камней. Дорога шла правее соседнего села Коноваловки. Через какое-то время мы въехали в небольшой аул, там нас встретили угрюмо, мы не стали задерживаться, поехали дальше, из аула за нами следом выехало несколько всадников, сопровождали нас до брода через реку Ишим. Помогли переправиться и остались, провожая нас глазами. К вечеру мы добрались до аула, расположенного в лесу на бугорке. Справа был глубокий овраг, на дне которого протекал ручей, а слева - густой березняк. Это был ТОЗ (товарищество по совместной обработке земли) - основа будущего колхоза "Баганаты", который в нашей биографии значит место рождения. Поселились в землянке одного хорошего знакомого отца, а через несколько дней поставили небольшую юрту. Мы познакомились с аульными ребятишками. Евней быстро освоился и стал опять заводилой детских игр. Отец сапожничал, куда-то ездил, еще чем-то занимался, а у матери были мы, и ей хватало забот. Ходили мы на речку, бегали по берегу, плескались в воде, в общем, нам стало неплохо. Но почему-то отец к зиме не готовился, раза два ездил верхом на Сардонене к родным мамы, привозил гостинцы: курт, римчик, сладости, - рассказывал новости маме и нашей бабушке, которая перебралась к Евнею, так как не могла без него жить. Глубокой осенью, когда опали листья с деревьев, на телеге приехал дедушка по матери, Толемис, с сыном Тайжан, переночевали, а на утро опять погрузили всю домашнюю утварь на две телеги, расселись и - в путь. Аульчане, к которым успели привыкнуть, опять провожали со слезами. Мы приехали в аул на родину мамы, ее родные нас хорошо встретили, устроили в одной довольно просторной землянке с дедушкой, нашу бабушку увез ее младший сын - Маутай-ага.

Весной отец продал именную лошадь Евнея Сардонен. Он долго плакал - жаль было расставаться с любимой лошадью, плакали наша мама и любимая бабушка Меруерт. Исчез куда-то

подаренный сапрасый жеребенок, может быть, зарезали и съели, или тоже продали, не помню, вместо него появился маленький, игрушечный, гнедой жеребенок.

С наступлением лета 1931 года мы опять погрузились в ту бричку, но уже было меньше вещей, видимо, брали только необходимое. Отец соорудил над бричкой шалаш с полукруглым верхом, покрыл каким-то брезентом, и опять тронулись в известном направлении. В бричку была впряжена только старая кобыла, а слева вместо Сардонен был привязан гнедой жеребенок. Теперь уже не было ни коровы, ни теленка, с которыми приезжали в прошлом году. Куда они делись, известно только родителям. Мы, дети, постоянно находились в дороге, отец чаще шел пешком, рядом с телегой, иногда заходил к нам, давая отдохнуть ногам. С нами постоянно шел пешком дядя Исхак, двоюродный брат отца, средний сын бабушки Кошумбая. Не помню, сколько дней и ночей мы шли, через какие села, куда и в каком направлении. Помнились Преснау (Пресновка), Петекау (Петухово), Макуши (Макушино), Мокрасвай (Мокроусово). Добрались до деревни Малкзак - Малый Кизак, расположившейся в глухом, тумачем сосновом лесу. С чем связан выбор места, объяснений от отца не слышал. По пути, когда проезжали русские деревни, там, взрослые и дети выбегали, глазели, вероятно, было интересно видеть, как одна семья незнакомой национальности куда-то кочует, но все смотрели молча. Иногда в некоторых местах пожилые люди подходили к нам, о чем-то с отцом говорили, потом и женщины и мужчины бежали за нами, что с чем. Несли кринки молока, сметану, хлеб, картошку, привкомис для нас какие-то красные, зеленые плоды. Мы не ели, так как незнакомые продукты казались невкусными. Но зато наш дядя Исхак с аппетитом уплетал все, да говорил, как хороши, вкусны, а наша мама ворчала: какой может быть вкус у невареной травы. Отец обыкновенно молчал. Где мы останавливались, не помню, только помню, что ехали очень долго, как мне тогда казалось.

Еще запомнилось: отец нас, сидящих на телеге, заставлял пристально смотреть вперед, не пробежит ли какой-нибудь зверек через дорогу, если пробежит, то запомнить точно, в каком направлении пробежал. Однажды, когда солнце клонилось к закату, Евней вскрикнул, показывая пальцем, что заяц (кояг) прыгнул налепо пересек дорогу. Отец сам внимательно посмотрел из-под ладони, в направлении, показанном Евнеем: действительно, какой-то зверь скакал, подпрыгивая. Удостовер-

рившись, что это так, отец глубоко вздохнул и сказал: "Слава Богу, все будет благополучно - құдайға шүкір, жолымыз болады екен". Он был суеврным человеком, верил в приметы. Когда отправлялся куда-нибудь по важным делам, а наша кочевка, действительно, была очень важным событием в жизни семьи, то следил, как любой зверек, лучше не хищный, перебежит: если справа налево, т.е. внутрь подола одежды от застегнутых пуговиц, тогда поездка завершится благополучно, а если же наоборот, т.е. скользая по подола одежды, то закончится плохо. Папа наш позже, когда благополучно вернулись на родину, нередко вспоминал этот эпизод как пророческий, и именно потому, что зайца, безобидного зверька, заметил старший сын Евней. Особенно он любил вспоминать, когда встречался со своими сверстниками, старыми друзьями.

Размышляя над темой о причинах отъезда нашей семьи из родного аула, прихожу к выводу, что отец наш был в какой-то степени ясновидец. Он по каким-то своим приметам почувствовал надвигающиеся невзгоды, голод, разруху 1931-1932 годов. Спасая семью от неминуемой смерти, заранее двинулся в приуралье. Он был убежден, что простой русский народ поддержит нас, в чем он не ошибся.

Вернемся к Малым Кизакам. Эта деревня сохранилась до сих пор в моей памяти. Школа стояла за речкой. В деревне не было мазаных побеленных строений. Все дома и другие строения были рубленые из добротных бревен, крыши тесовые. В этой деревне нас приютил русский мужик дядя Иван, здоровый, с черной густой бородой и вьющимися длинными волосами. У них было двое детей: мальчик и девочка. Казахи его звали кара Иван (черный Иван). Мне хорошо запомнилась хозяйка дома. Она была светловолосая, белолицая, одевалась всегда аккуратно в светлые тона. Она была доброго отношения к нам, детям, ласково смотрела на нас, угощала всевозможной снедью, разрешала играть с ее детьми и пользоваться игрушками, салазками и тележкой. Жили мы у них во дворе в каком-то помещении, то ли во времянке, то ли в сарае. Дом хозяина был из добротных сосновых бревен, высокий, под тесом, окна со ставнями, вход был с торца, крыльцо в несколько ступенек. Иногда, играя с детьми хозяина, удавалось попадать в дом, где было несколько комнат, аккуратно убранных, запомнилось, что почти во всех комнатах по углам, а в одной комнате в простенке между окнами висели в позолоченном обрамлении портреты-иконы. На мой вопрос, что это такое, папа объяснил, что это русские боги. Когда на них молятся,

то сбываются все желания только у русских, а мусульманам молиться нельзя. Этим, видимо, он оберегал нас от крещения. Несмотря на это, иногда с хозяйскими детьми крестился, а хозяева этому радовались.

К зиме нас переселили в дом, в одну из комнат поближе к выходу. Моя обязанность была качать люльку, т.е. нянчить братишку, иногда играл во дворе, обнесенном высоким досчатым забором, на улицу выглядывал через щели ворот и забора.

Евней ходил в школу, отец или мать его встречали, провожали, потом стал ходить один. Однажды зимой пришел заплаканный и весь в снегу. Оказывается, над ним издевались дети из старшего класса. А дело было так : в летнее время в школу ходили в обход через мостик, а зимой - прямо по льду, и надо было подниматься по довольно крутому берегу. Эти озорники, их было несколько, подкараулили Евнея, и как только он докарабкался до обочины, его толкнули, и он скатился кувырком назад. Он опять упорно лез наверх, а они вновь столкнули его вниз. Так повторялось несколько раз. Наконец, озорников окликнул какой-то взрослый прохожий и пригрозил им, только тогда они разбежались. А Евней весь потный, изможденный пришел домой. В один из зимних дней эта история повторилась. Так шутили деревенские дети над нерусским чужаком, на его счастье в этот раз увидела озорников его любимая учительница, которая сама разогнала ребят, помогла подняться, взяла за руку и привела его домой. Потом она частенько приводила его, иногда заходила в нашу комнату, разговаривала со мной, но я ничего не понимал. Мама ее называла мугалим - учитель. Она помогала Евнею готовить домашние задания. Евней позже не раз вспоминал все это. Очень хорошо отозвался о своей первой учительнице сам Евней в автобиографической повести "Шесть писем другу", и много добавил его близкий приятель, писатель Жаик Бектуров. Вот что он писал:

"...В 1981 году предоставилась возможность, и мы с Е.А.Букетовым побывали в Мокроусовском районе Курганской области. Не доезжая до районного центра с.Мокроусова, остановились на железнодорожной станции Макушино. Там до сих пор живет много казахов. Из разговоров с ними выяснилось, что в этой долине нет реки Малказак, а есть небольшие речки Кизак и Кайнак, одна из которых в свою очередь делится на два рукава, один называется Малый Кизак. Так открылась тайна Малказака.

...В Мокроусове Евней безошибочно нашел на окраине место, где была когда-то школа, в которой он учился. Здание, конечно, давно снесено, на его месте росло деревце. А внизу протекала малюсенькая речушка, которая казалась когда-то Евнею глубокой".

А в моей памяти эта речка была бурной горной рекой. Здесь нужно небольшое уточнение: первая школа, о которой идет речь, была в деревеньке Малый Кизак, наименованной по названию протекавшей речушки, а деревня находилась на расстоянии нескольких километров от районного центра, и хаты стояли между толстыми сосновыми деревьями.

По возвращении из этой поездки Евней сам рассказывал, что на месте некогда большой деревни осталось несколько покосившихся домиков, где проживали люди преклонного возраста, которые не помнят о событиях тех далеких тридцатых годов, когда наводнили те края голодные, оборванные люди.

В той русской школе, где Евней начал учиться грамоте, у него была, как я упомянул выше, любимая учительница. Он ее часто вспоминал и называл то Августиной, то Августой Устиновной. Именно она помогала ему одолевать русскую грамоту. Одновременно помогала и его родителям.

Как-то наш отец покупал на станции Лебяжье картошку и попался на глаза милиционеру. Тот, заподозрив незнакомого казаха в спекуляции, забрал его лошадь, самого Арстана посадил в каталажку. Узнав об этом через Евнея, учительница прошла пешком сорок верст до станции и добилась не только освобождения невинного, но и возвращения ему лошади и попуток. Этот трогательный поступок учительницы глубоко запал в память маленького Евнея.

Ж.Бектуров продолжает:

"...По возвращении в райцентр мне удалось уговорить Е.А.Букетова посетить краеведческий музей. В светлых просторных залах музея экспонаты размещались по тематическому принципу. В одной из комнат мы увидели портрет обаятельной женщины. Евней Арстанович сразу же узнал в ней свою любимую учительницу. На экскурсовода обрушился поток вопросов.

Выяснилось, что настоящее имя и отчество этой женщины Августа Иустиновна, девичья фамилия - Каминская, она в 16 лет окончила женскую гимназию с большой золотой медалью. Выяснилось, что один из сыновей учительницы, Борис Федорович Тарасов, 1912 года рождения, участник Великой Отечественной войны, подполковник ветеринарной службы,

живет в Башкирии в городе Белорецке. По возвращении в Ленинградскую организацию Букетов написал ему письмо и получил обстоятельный ответ. Жаль, что Е.Букетов и Б.Тарасов так и не успели встретиться, оба почти одновременно скончались.

Августа Иустиновна Каминская родилась в городе Ялуторовске бывшей Тобольской губернии. Ее отец Иустин Каминский, по национальности поляк, за активное участие в польских восстаниях 1863-1864 годов, после жестокого подавления восстания был сослан царским правительством в город Ялуторовск - обычное место ссылки революционеров.

Рядом с портретом А.И.Тарасовой (Августа Иустиновна вышла замуж за рабочего Федора Тарасова) в музее висел портрет ее старшего сына Германа Федоровича Тарасова, 1906 года рождения, генерал-майора, Героя Советского Союза, погибшего в сражениях против немецкого фашизма. Г.Ф.Тарасов в 1934 г. окончил Военную академию имени Фрунзе, перед войной работал начальником штаба Забайкальского военного округа.

У А.И.Тарасовой было пятеро детей. Одна из дочерей, Мария Федоровна, и сегодня живет в г.Туринске Свердловской области. Сразу же после окончания гимназии Августа Иустиновна приехала в Мокроусово и до 1935 года, в течение 40 лет беспрерывно здесь учительствовала. Она умерла в поселке Мокроусово Башкирской АССР в декабре 1936 года в возрасте 57 лет. Сыновья и дочери ее учились у своей матери в школе, где впоследствии учился и наш Евней Арстанович.

Жизнь Августы Иустиновны была богата многими яркими событиями. Главное из них - установление и укрепление советской власти на Урале, чему она была свидетельницей. Конечно, почему русская учительница в далеком Мокроусове так сочувственно отнеслась к обездоленным казахским переселенцам, почему так близки были ей беды и горести простых людей.

Вряд ли надо кому-то доказывать, какую важную роль в становлении личности играют люди, даже случайно встреченные на жизненном пути. Русская учительница Августа Иустиновна Тарасова оставила глубокий след в сердце казахского мальчика...

Когда Евней начал читать и писать по-русски, он мне показывался очень большим и вызывал мое почтительное отношение к нему. Я стал называть его Бапа, что означало старший, хотя разница в годах у нас была лишь три года. Забегая вперед, скажу, что долго звал его так, пока в один из своих приездов он не наградил меня оплеухой за какие-то

мои проделки. А почетное имя Бапа закрепилось за ним на всю жизнь, и все братья, сестры, их дети называли его до последних дней так.

Оказавшись единственной казахской семьей в глубине русских селений, предчувствуя предстоящий недород, голод раньше других почти на целый год, наша семья испытывала большие затруднения из-за невозможности свободно изъясняться (отец слабо владел русским языком, а мать вообще не знала ни слова). Но эта трудность уменьшилась, когда через несколько месяцев жизни в русском селе Евней "обрусел" и стал говорить на русском так же свободно, как на родном. Он стал семейным переводчиком.

Родные и земляки, оставшиеся на родине, узнав, что Арстану живется в далекой русской деревне неплохо, к лету 1932 года стали съезжаться в Малказак. Приезжавшие родные, знакомые отца привозили очень тревожные вести: очень многие люди умирают от голода. По дорогам плелись изможденные толпы. Многие родственники и знакомые аульчане умерли в пути и оставлены без погребения, укрытые чем попало. Не было сил похоронить умерших. Оставшиеся спешили в спасительные земли. Чудом добравшиеся в русскую глубинку в основном выжили, так как получали бескорыстную помощь и поддержку.

Ранней весной 1932 года еще по твердому снегу отец собрался на родину. Соорудил на санях специальные места, куда аккуратно уложил продукты: муку, мясо, пшено- и уехал. Мама боялась за него, русские знакомые тоже, но через несколько дней он вернулся и не один, а привез младшего своего брата Маутай-ага с семьей и любимую нашу бабушку. Нам с Евнеем стало веселей жить с бабушкой, к тому же у Маутай-аги был сын Самат, мой сверстник. Позже отец рассказывал, что ехал он без передышки, с ружьем наготове особенно спешил, когда въехал на территорию Казахстана, где уже свирепствовал голод. К середине лета приехал второй наш дядя-Ибрай-ага с семьей, их спасли привезенные отцом продукты, которые они потребляли очень бережно и украдкой от посторонних глаз. К тому времени мы переехали в большой сарай, который отец отремонтировал с помощью русских соседей, настелили досчатый пол. Сарай был очень большой, часть отгородили, и семьи всех трех братьев жили вместе. Остальная часть сарая служила временным пристанищем для прибывших земляков, а их было очень много.

Приезжавшие, а чаще приходившие появлялись у нас труппами. Мама, да и бабушка со своими снохами готовили пищу и всех кормили, потом только расходились, разъезжались, в общем, исчезали. В то время, особенно осенью и зимой, не было никаких ЧП. Доходили слухи о кражах скота, продовольствия и другого имущества у местных жителей, несмотря на радушный прием, случались драки и даже убийства, но к лету 1933 года все стихло. Видимо, все, кто только мог, выбирались из Казахстана, многие уехали дальше, на север, добрались до промышленных центров Урала. Несколько наших родственников в поисках средств существования оказались в Челябинске, Златоусте, Ирбите, Томске и других местах. Словом, разбрелись, некоторые из них остались там навсегда. Сейчас на тех землях живут их потомки. В этой местности исчез и дядя Исхак. У него не было семьи. Ходили разные слухи. Он и племянник отца пропали без вести.

Прожив в этом сарае до конца лета, к зиме мы вместе с семьей дяди Маутай стали квартировать у одной вдовы, жившей с дочерью в пятистеннике, неподалеку от дяди Ивана, а дядя Ибрагим же квартировал на другом конце деревни, у него было двое детей: старший сын Жамбай, мой сверстник, и дочка, старшая сестра нашего Марата.

Ибрагим пошел во второй класс. Он единственный из всех детей казахов, поселившихся в тех краях, ходил в школу. В том была большая заслуга отца, который делал все, чтобы Ибрагим учился грамоте.

Прозимовали. Всю зиму продолжали приезжать люди, часто к отцу приходили группами, просили его совета, а иногда разбирали какие-то распри между собой. Часто слышались слова "украли", "обманули", но кто у кого, конечно, я не знаю и не помню.

В эту зиму случилось несчастье с моим младшим братом Маратом. Когда дома никого не было, мы втроем (с нами была дочь дяди Ныгметжана Бигайша, которая была на год старше меня) играли наперегонки. Марат споткнулся о чей-то сапог, вылившись тут же, упал и лбом ударился о порог двери. Помылся на лбу синяк, на это никто из взрослых не обратил внимания, так как Марат не плакал. После этого Марат начал болеть, синяк не сходил, а к весне он превратился в глубокую рану, из которой стал сочиться гной. А когда потеплело на улице и сошел снег, он умер, ему шел третий год. Похоронили его за деревней на опушке леса, рядом с какой-то одинокой мусульманской могилой на бугорке.

На лето все казахи, обитавшие в округе, собирались у нас и долго о чем-то говорили. Был здесь и дядя Кошан, близкий друг отца. Сын его Аманжол Кошанов, родившийся в тех краях, стал академиком АН Казахской ССР, доктором экономических наук, профессором. Все приехавшие поздравляли отца с успешным окончанием школы старшим сыном Евнесем, желали ему дальнейших успехов, здоровья и благополучия. Потом несколько человек вместе с отцом и дядей Кошаном куда-то уехали, возвратились и еще говорили, пили традиционный чай и разъехались. А разговоры сводились к тому, где летовать, т.е. организовать жайляу.

На второй или третий день отец запряг кобылу и вместе с мамой собрался куда-то съездить. Я с ревом прицепился к ним, они сжалились и взяли с собой. Ехали недолго, проехали лесок и оказались в очень красивой деревне, было много беленых хат с крашеными окнами и со ставнями. Отец оставил нас с мамой у одних русских, видимо, у знакомых, а сам уехал и долго не возвращался. Я захотел есть. Привык в своей деревне к тому, что куда бы ни пришли, всегда чем-то угощали, а здесь этого не было. Мама начала меня успокаивать, объясняя, что в этой деревне дома ничего не держат, это Коммуна, все у них общее и питаются в столовой. Откуда мне знать, что такое столовая, Коммуна и т.д. В душу запало, что Коммуна, это такие деревни, где у людей ничего нет и живут голодные. Так я позже иногда объяснял своим сверстникам. Возвращались домой с мешками пшеницы и проса.

Отец с братьями ежедневно рано утром уезжали на работу и возвращались вечером. Нас с Евнесем мама, а чаще всего бабушка водили на могилу Марата. Они сами садились на траву, усаживали нас и начинали читать молитву. По их знаку мы тоже раскрывали ладони, произносили "Аллакбар" и проводили по лицу ладонями. Летом соорудили ограду вокруг кладбища, где к этому времени было уже с десяток захоронений. Последний раз всей семьей посетили могилу, побывали у многих русских, ставших уже хорошими друзьями отца, заехали к Августе Иустиновне. Родители очень тепло с ними попрощались. Крестьяне выносили много продуктов, одаривали ими и укладывали в телегу. В один из погожих дней погрузили домашние вещи в бричку и выехали из приютившей нас деревни, а через несколько километров подъехали к аулу, да к настоящему аулу из юрт, какие были у нас на родине. Оказалось, собравшись весной у нас, земляки договорились пролетовать на этом месте, в шалаалах, так как ни у кого юрт

не было, не смогли их привезти сюда. К нашему приезду стояло несколько шалашей, похожих на обыкновенные казахские юрты. Одна из них была нашей. Отец соорудил ее заранее. Конструкция юрты была довольно простой: деревянная часть состояла из шести столбов, вкопанных в землю, составлявших шесть углов, обвязанных перекладинами, к которым были прислонены колья из тоненьких жердей: крыша была выведена полушаром из жердей. Это сооружение аккуратной укладкой до краев полушара было покрыто соломой, высота довольно большая, крыша покрыта дерном для того, чтобы ветром не дуло и дождь не протекал. Все это сооружение было оборудовано так, чтобы можно было разводить очаг, служивший для приготовления пищи, а также для обогрева в ненастную погоду. Аул расположился полукругом. Подъезжали ежедневно по нескольку семей. Всем аулом помогали прибывающим сооружать шалаша, обустроиваться, а потом приглашали по старой традиции друг друга на "ерулік" - трапезу для вновь поселившихся соседей.

Воды в округе не было, и тогда в центре аула сообща выкопали колодец. Сначала воды было много, но постепенно она начала убывать, а к осени сошла на нет, хотя колодец и углубляли.

Недалеко от аула была дорога, соединяющая райцентр с Малыми Кизаками, а за дорогой простиралась пашня.

Так прожили лето, а к осени все вместе покинули эти места навсегда. Породнившись за время летовки, аульчане разбрелись кто куда в поисках лучшей доли. А несколько семей переехали в соседний Макушинский район и соединились в местечке Сахалин с другими соплеменниками, но ненадолго, так как не было школы, не хватало жилья и приближалась зима. Группами по нескольку семей стали разъезжаться в русские деревни на зимовку. Наша семья переехала в более отдаленную деревню - Куприно, где была школа. На квартиру устроились у одной женщины, жившей без мужа с двумя детьми и пожилой женщиной, видимо, матерью. Евней пошел в школу в третий класс. Мы жили в светлой горнице с четырьмя окнами. До сих пор перед моими глазами картинка: на потолке гвоздь, вколоченный в перекладину, а на нем висит моток тоненькой блестящей проволоки, один конец которой был закручен в спираль. Когда я поинтересовался у отца, что это такое, он объяснил: "Это петля для ловли зайцев". Но я никак не мог взять в толк, как все же такой проволокой ловят зайцев. Своим детским умом соображал, что заяц передней, более тонкой

ляпкой попадает в эту пружину. Но как она могла влезть туда? С этой мучительной думой засыпал, а проснувшись, думал над тем же вопросом. И продолжалось это до тех пор, пока Евней не продемонстрировал, как это получается, сделал петлю из другой такой же проволоки.

Однажды поздно ночью постучался в окно и вошел обросший мужчина. Он остался ночевать, а утром, когда мы проснулись, его уже не было. Иногда потом он стал появляться чаще. Оказалось, что это был хозяин дома, муж хозяйки. Позже узнали, что он скрывался, был связан с какой-то бандой. Когда узнали об этом наши родители, то начали поговаривать о смене квартиры, но не успели этого сделать. Однажды утром обнаружили, что нас обокрали. Из-за тесноты в комнате наши вещи были сложены в сенцах. И вот все, что было там ценное, украли. Воры сделали имитацию, будто вскрыли крышу и через дыру все вытащили, но отец определил, что все вынесено через двери, и это было дело рук хозяина дома.

После того случая папа нашел другую квартиру, менее удобную, и мы переехали. Прежняя квартира была рядом со школой, хорошо было Евнею, он успевал быстро прибегать домой, спасаясь от нападения русских мальчишек. А новое жилье было в отдалении, ближе к окраине села. Приходилось кому-то из взрослых провожать и встречать брата, хотя никто не трогал его. Вскоре он подружился с соседским мальчиком Васей, который приходил к нам, и они с Евнеем готовили уроки, читали, играли. Родители полюбили этого светлого голубоглазого мальчугана, он здорово заступался за Евнея и не давал его в обиду, защищал от мальчишек с другой улицы. К середине зимы нас опять обокрали, забрали последние более или менее ценные вещи, оставив почти без одежды. На этот раз подозревать в воровстве было некого. К тому же Евней пришел из школы заплаканный, чего не случалось с ним раньше, значит с кем-то подрался или же озорники поиздевались над ним.

И вот родители не выдержали и вернулись в Сахалин, к землякам. Пришлось потеснить одну семью и жить на двухъярусных нарах, было тесно. Евней прервал учебу. Отец сильно переживал, что целый год пропал у сына, но Евней успокаивал его, уверяя, что нагонит, постарается за год окончить два класса.

Весной началась посевная, все мужчины были в поле, а женщины протравливали семена. Дома мы были с бабушкой. Утром все оставшиеся жители барака проснулись от незнакомого

гули-шума, выбежали на улицу. Весь народ небольшого поселка был на улице, кричали: "Аэроплан, аэроплан!" - и смотрели на небо. В небе, неподалеку от села, над полями летала, как мне показалась, обыкновенная бричка, какая была у нас, она сделала два или три круга, пролетела над нами и села недалеко от места, где обрабатывали семена.

Все, кто только мог, бежали в том направлении, конечно, и мы с Евнеем тоже направлялись туда. Он меня тащил за руку, я еле успевал за ним. Когда подбежали, то увидели, что это вовсе не бричка, а что-то другое, совсем невиданное сооружение, хотя и на колесах. Это был обыкновенный двухкрылый аэроплан, прототип нынешнего АН-2. Летчик был одет во все кожаное, блестящее, на лбу сверкали пилотские очки. Это сейчас я пишу, называя своими именами незнакомые понятия, а тогда было все в диковинку.

Летчик начал о чем-то говорить с собравшимися, многие боялись близко подходить, смотрели издали. Евней, оставив меня с бабушкой, смело подошел к летчику и разговорился с ним, о чем-то стал расспрашивать, указывать рукой на аэроплан. А в это время рабочие загружали какие-то мешки в аэроплан. Это были семена пшеницы, проводился опыт посева с воздуха. Закончив погрузку, летчик направился к самолету, Евней - за ним, на ходу о чем-то разговаривал. Летчик взял Евнея на руки и приготовился садить в кабину, тут все соплеменники подняли крик и не дали Евнею летчику - исправоверному, испугались за его жизнь. Но все же Евней слетал на этом аэроплане. Позже он долго рассказывал и дома и среди своих сверстников о том, как выглядели с высоты земля и все строения.

Закончилась посевная. Все, кто жил в этом небольшом поселке, погрузились и поехали. Подъехали к берегу большого озера, остановились и табором расположились на ночь, а утром все одновременно начали сооружать уже ставшие традиционными соломенные шалаши. За несколько дней аул разросся. Место было хорошее, особенно для нас, ребят, раздолье - было где бегать, купаться и т.д. С наступлением лета, когда появились всходы, ребятня начала зарабатывать хлеб, на прополке. Утром нас собирали и выводили на "Опытное поле", и мы рвали сорняки вручную, при этом каждому отводилась полоса в несколько рядов по ширине сеялки. В обед нас кормили, а к вечеру мы возвращались домой, гордые тем, что в руках у каждого были булки, а у некоторых по половине, в зависимости от того, как работали. Булки были крутые,

пышные. В первый день Евней заработал целую булку, а я половинку, наша бабушка бесконечно была рада этому. Окликнув своего старшего сына, нашего отца, своим тоненьким серебристым голосом: "Арстан, а Арстан, вот видишь, мои жеребеночки (күлыншақтарым) стали кормильцами",- она разрезала полбулки на равные части и разнесла по ближайшим шалашам, приглашая пожилых людей отведать первые заработки ее галчат и помолиться за их здоровье. Сюда, на берег большого озера, съехалось довольно много семей, не менее тридцати, все взрослые мужчины работали на "опытном поле". Это было отделение Макушинского зерносовхоза. В аул приезжал верхом, то на гнедом, то на темно-сером в яблочках под кожаным солдатским седлом, рослых, упитанных конях управляющий Пузанков (Позыкан). Он часто останавливался у нас и пил кумыс, видимо, полюбил этот ароматный напиток. Наша мама была искусницей в приготовлении вкусного национального напитка.

К этому времени у многих уже появился скот - дойные коровы, кобылицы. Овец, коз не держали, это было связано с кочевым образом жизни. В теплые летние вечера молодежь собиралась в середине аула, тогда-то я и увидел национальную игру "алты бақан", в которой и мы, пострелята, вели себя по-своему, бегали, кувыркались. Постепенно народ начал переходить от уныния к веселью. Появились акыны-импровизаторы, организовывали айтысы, казакша куресы, байга, хотя и не настоящие.

В это лето из Челябинска приехали родные братья и племянники нашей бабушки: дядя Шери с женой и трое холостых. Все статные, хорошо, не по-нашему, одетые. У них мы, дети-несмышлениши, увидели интересные вещи: на груди и с правой и с левой стороны всевозможные значки. Евней, рассмотрев и прочитав надписи на каждом из них, собрал нас всех вокруг себя и объяснил, что означает каждый из них - "ГТО", "Мопр", "Ворошиловский стрелок" - последний нам особенно понравился. Впервые мы увидели, и это нас поразило, что брюки спереди и сзади были, как лезвие ножа: приехавшие, ходили в скрипучих сапогах и казались нам большими начальниками. Позже узнали, что все они были рабочими металлургического завода. Тогда же к другим аульчанам приехали их родственники из Златоуста, Ирбита, Свердловска. С ними из аула уехало несколько молодых людей. Многие из них остались там на постоянное жительство, их потомки и сейчас живут в тех местах.